

Л. Ш И П О В

РК-7

464002

15450

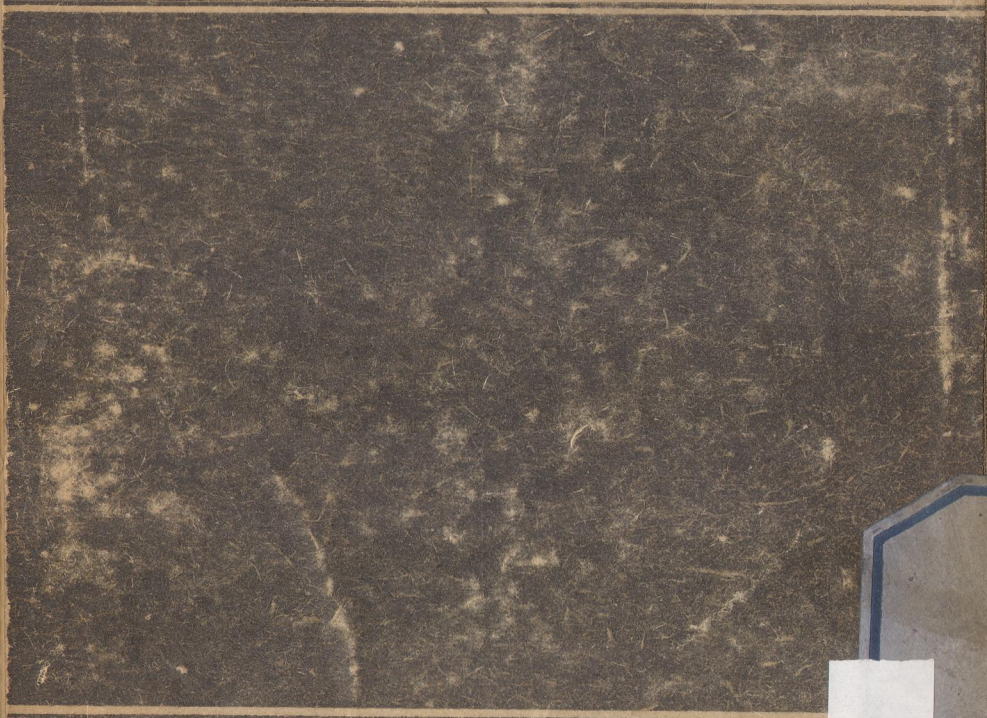
**ТИХОНОВСКАЯ
ЦЕРКОВЬ
И
ВРАНГЕЛЬ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ
МОСКВА 1923

1-
m

PK-7

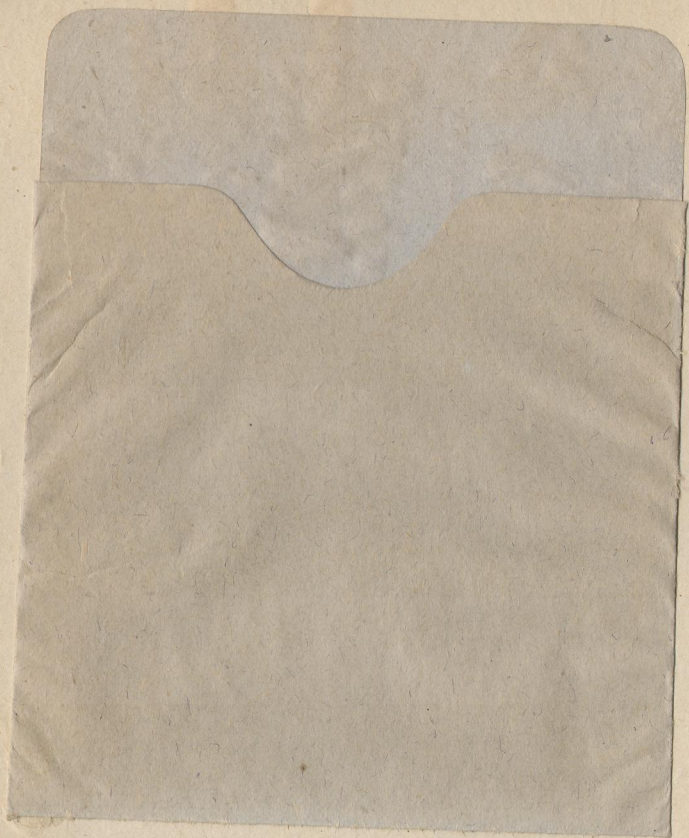
V.N. Karazin Kharkiv National University

0

00199016

КЗ - безкоштовно

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

~~211.322/47~~
~~Ш-63-Г~~

281.322/47

Я. ШИПОВ

Ш-63.5-Т.

34

ПРОРОБИЛЕНО

896268.10

ТИХОНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ и ВРАНГЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Составлен на основании архивных документов, найденных в Крыму

745

БІБЛІОТЕКА
Українського Інституту
МАР. С. С. У-ЛЕНІНІЗМУ
1920

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА К. Д.
Inv. № 15313/05.
464002

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ — МОСКВА — 1923

64

ВТОРАЯ ТИПОГРАФИЯ
МОСКОВСКОГО СОЮЗА
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ
О Б Щ Е С Т В.
Мясниц, пр., 2.
Тел. 1-54-45.

Предисловие.

Процесс Тихона опять приковал интерес к православной церкви и к той контр-революционной роли, которую она играла (и продолжает играть). Эта роль последнее время заключалась во всевозможных попытках свергнуть Советскую власть или хотя бы поколебать ее авторитет в народных массах с одной стороны, а с другой—во всемирном содействии белогвардейским правительствам по ту сторону фронта. Многочисленные материалы тихоновского процесса дают исчерпывающую картину враждебного отношения церкви к Советской власти на той территории, которую последняя занимала во время гражданской войны. Предлагаемый вниманию читателей очерк дополняет эту картину изображением тех дружественных, интимных отношений, которые существовали между православной церковью и правительством Врангеля в Крыму в 1920-м году.

Однако, при всей интимной близости и дружественном характере этих отношений там были некоторые разногласия, которые обе стороны пытались уладить с одинаковой предупредительностью (о чем свидетельствует приложенная к очерку переписка). Врангелю нужно было уболаготворить крестьянство законом о земле, предусматривавшим известные виды отчуждения помещичьих владений в пользу крестьянства, разумеется, «по справедливой оценке». Здесь само собою был поставлен вопрос и о церковных землях. Не найдет ли православная церковь возможность согласиться на отчуждение хотя бы части их? Не осмелившись упомянуть о церковных землях в своем законе, Врангель, однако, закидывал удочки в этом направлении, добиваясь при этом, чтобы ини-

циатива исходила от самой церкви. И тут он встретился с непреклонной решимостью святых отцов удерживать в своих руках все—вплоть до последнего куска, не отдать ни пяди земли. Давно и справедливо было сказано Марксом, что церковь скорее потерпит посягательство на девять десятых своих догматов, чем на одну десятую своих доходов. И даже тогда, когда кораблю крымской реакции грозила гибель, когда самые элементарные интересы самосохранения требовали от его кормчих бросить в воду хотя бы часть груза своих классовых привилегий, жадность и любостыжательность святых православных отцов заглушила в них голос инстинкта самосохранения.

Православная церковь в России была крупнейшим земельным собственником. И животная забота о сохранении во что бы то ни стало своей собственности заставляла ее все время идти в блоке с самой черной реакцией. Отсюда непримиримая вражда к Советской власти, дерзнувшей посягнуть на церковные имущества: отсюда желание противопоставить большевикам объединенный фронт всех церквей, всех вероисповеданий. Разве есть время спорить о догматах и истинах, когда опасность грозит—общая, когда безбожники-большевики подбираются под материальный фундамент церковного могущества.

Приведенные документы свидетельствуют о том, с какой жадностью цеплялись церковники за свое имущество даже тогда, когда собственные интересы, разумно понятые, толкали их к компромиссу. В вопросе о своих земельных владениях церковь оказалась еще более непримиримой, чем сам Врангель. Врангель был для нее слишком лев, слишком уступчив. И отсюда поддержка самых махровых, самых черных элементов крымской реакции, открыто заявлявших о своих стремлениях восстановить самодержавную монархию. На них и только на них православная церковь могла вполне положиться.

А с врангелевским правительством она, хотя и по дружески, но все-таки пререкалась из за каждого

клочка земли, из за каждой кости, которую можно было бросить крестьянину, пререкалась уже тогда, когда опасность гибели висела над обоими. И какие только аргументы ни приводили взыскующие града небесного святые отцы, преемники своего учителя, заповедывающего „не сеять, не жать и не собирать в житницы“. Особенный интерес представляет последний документ, вскрывающий исторические корни той глубокой привязанности к земным благам, которую обнаружила православная церковь в Крыму, когда дело дошло до жалкой подачи крестьянину, показывающий, как ревниво на протяжении всей своей истории боролась церковь за свои права собственника и эксплуататора, не стесняясь в этом вопросе выступать даже против самодержавной власти, против божьих помазанников—царей...

Та политика, которую проводили в Крыму Антонии, Дмитрии, Востоковы, была частью общероссийской церковной политики, руководимой патриархом Тихоном. Эта политика потерпела жестокое поражение. Православной церкви пришлось лишиться своих громадных имуществ. Но, подобно другим экспропрированным собственникам, она не сложила оружие, она продолжает борьбу.

Борьба эта перешла в подполье. Но еще до настоящего времени помещичья контр-революция имеет в лице десятков тысяч священников, представителей церковного причта, членов приходских советов из вчерашних генералов, чиновников, помещиков и купцов, самых надежных и верных агитаторов, продолжающих поддерживать теснейшее общение с массами населения, еще не порвавшими связь с церковью.

Правда, часть духовенства выкинула знамя обновленческого движения и отрекается на словах от всего контр-революционного прошлого православной церкви. Соответствующие заявления могут быть в той или другой степени искренни или неискренни. Но мы имеем массу епископов, священников и руководящих

приходами мирян, которые не примкнули к обновленческому движению, которые не признают В. Ц. У., потому что оно признало хотя бы на словах Советскую власть, которые пытаются на местах создавать всевозможные автокефальные епархии и приходы и которые, в тиши используя разнообразнейшие формы общения с прихожанами, продолжают гнуть свою линию и линию своего главы патриарха Тихона, продолжают вести антисоветскую пропаганду и агитацию и, лишившись легального руководителя в России, тем с большей ревностью и старанием выполняют директивы Антония Храповицкого и Карловицкого собора. А этими последними, как известно, дан политический лозунг всей российской церкви добиваться возвращения монархии с династией Романовых во главе.

В прошлом году на почве изъятия церковных ценностей тихоновская церковь попыталась дать бой Советской власти и еще раз потерпела поражение. Но это отнюдь не значит, что она отказалась от дальнейшей борьбы, лишившись своей верхушки в России. Мы имеем до сих пор около 50.000 приходов по всей стране, их обслуживает до 500.000 постоянного персонала (священников, дьяконов, дьячков), не считая еще членов приходских советов. Это громадная армия. По своим размерам она немногим уступает Р. К. П. Какая же часть ее искренно стала на почву признания Советской власти и какая не только на деле, а даже на словах принадлежит к нашим непримиримым врагам. Мы не имеем точных данных, но вряд ли обновленческое движение успело вовлечь в свою орбиту хотя бы половину той армии, которая выросла и вытенировалась на службе самой черной реакции.

Тихоновская монархическая церковь еще существует. Она имеет изрядное количество сторонников. И борьба с ней не кончится с осуждением контр-революционного патриарха. Советская власть не прекратит эту борьбу, пока противник не будет разгромлен и обессилен до конца.

Н. Попова.

О т а в т о р а .

Публикуемые здесь документы найдены в Крыму в начале 1921 года в архиве Врангелевского Управления Земледелия и Землеустройства. В них речь идет о церковных и монастырских землях, которые правительство Врангеля в целях привлечения симпатий кулачества намеревалось было отчуждать.

Как известно, после жестокого поражения, понесенного Деникиным в борьбе с рабоче-крестьянской армией, в лагере белых сложилось твердое убеждение в необходимости издания аграрного закона. Генерал Кутепов дал этому новому направлению белогвардейской „мысли“ классическую формулировку: „нам нужен аграрный закон и... виселица“ („В стане белых“. Раковский).

Закон о земле от 25-го мая 1920 года имел в виду политическое „расслоение“ деревни, привлечение на сторону буржуазно-помещичьей власти „крепкого“ крестьянина.

Этот закон о земле, явившийся вынужденной временной уступкой имущему крестьянству со стороны более „передовой“ (политически более дальнозоркой) части помещиков, встретил некоторый отпор со стороны „отсталых“ помещичьих элементов.

Но наиболее непримиримую позицию в этом вопросе занимало духовенство, которое устами Востокова величало закон от 25-го мая „ограбным“ законом.

В особенности духовенство обнаружило свою твердокаменность в вопросе об отчуждении монастырских

и церковных земель, как в этом убедится читатель из приводимых нами в конце настоящего очерка документов.

Духовенство занимает, таким образом, крайне правый фланг в стане белых в вопросе о земле. Но не только в этом вопросе. Духовенство является политически наиболее крайней, наиболее непримиримой черносотенной частью белогвардейщины.

Об этом говорят врангелевские материалы, имеющиеся в нашем распоряжении. Мы в праве утверждать, что „страничка из истории церковной контр-революции“, написанная духовенством в лагере Врангеля, ничем не отличается от подобных страниц, относящихся к другим контр-революционным фронтам. Мы тем более в праве утверждать это, что все эти отцы Дмитриии, Антонии, Востоковы, Веньяминовы и пр. фактически во все время нашей гражданской войны играют роль летучих голландцев, переезжающих из одного контр-революционного лагеря в другой и всюду творящих одно и то же „божье“ дело...

Документам мы предпосылаем три очерка: 1) „Врангелевский закон о земле и деревня“.

2) „Вопрос о церковных и монастырских землях в Крыму“.

3) „Политическая роль духовенства в Крыму в 1920 году“.

Первый очерк дает общее представление о той обстановке, в какой был издан закон 25-го мая, о методах, коими правительство Врангеля думало проводить в жизнь закон—„компромисс“, имевший целью надуть всероссийское крестьянство. В этом же очерке нами очерчено отношение деревни к закону о земле.

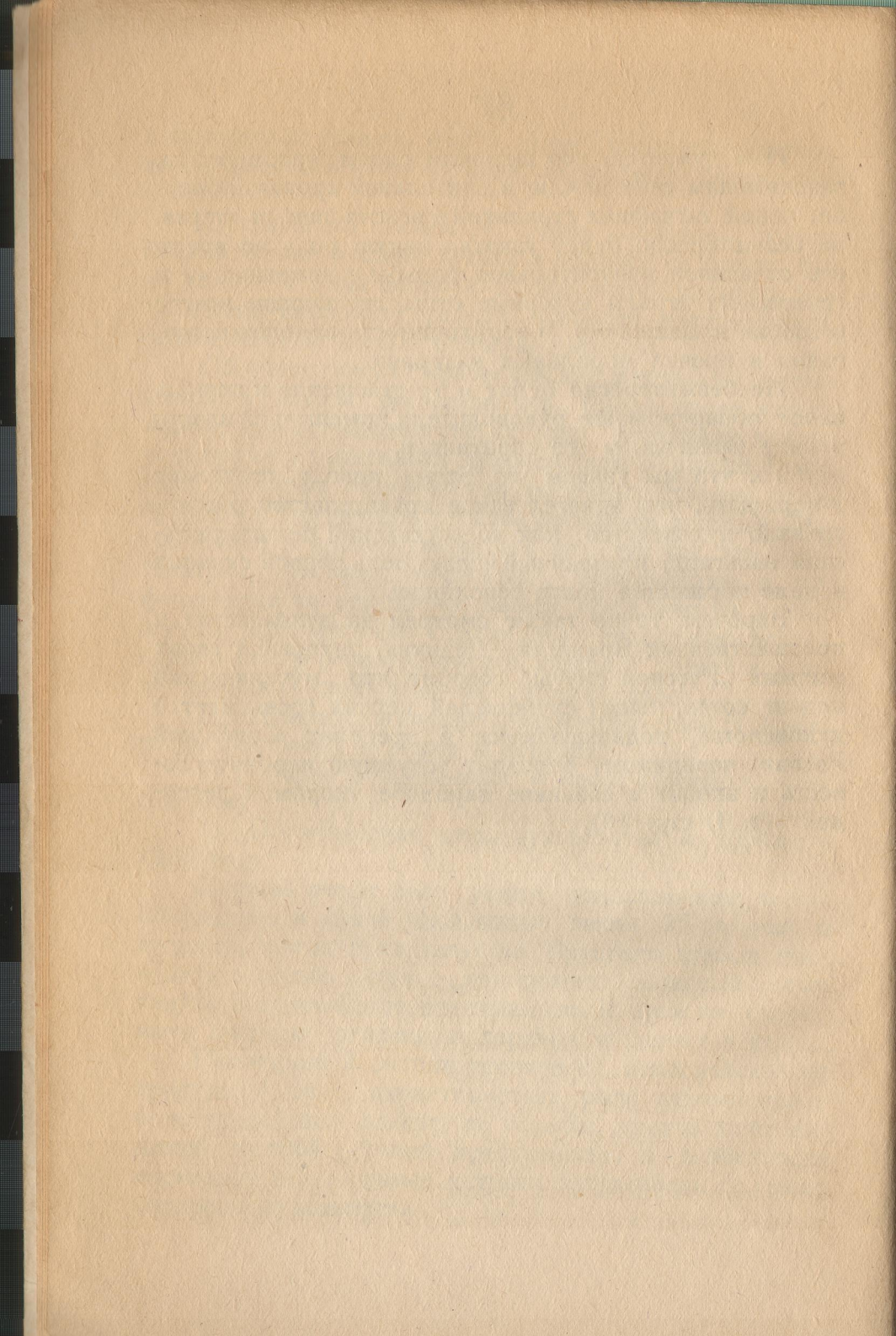
Последние 2 очерка посвящены непосредственно трактуемой теме, характеристике роли духовенства в белогвардейском лагере, ее борьбы против даже видимой, мнимой уступки крестьянству, в особенности поскольку эти видимые уступки затрагивали шкурные интересы духовенства.

Нам думается, что широким слоям крестьянства, завоевавшим себе землю в длительной кровавой борьбе, ценой тягчайших страданий и неисчислимых жертв, не безынтересно будет узнать, какую роль во время его отчаянной изнурительной борьбы с помещиками и генералами играли духовные отцы, толкующие всегда о любви к ближнему, о необходимости самопожертвования и прочих моральных материях.

Не безынтересно будет и то отношение к церкви, какое обнаруживают руководители помещичьей власти в лице Врангеля и его соратников.

То, что мы узнаем по этому поводу, позволяет утверждать, что врангелевское правительство рассматривало духовенство, как всероссийский белогвардейский авангард, призванный играть роль первой скрипки в деле торжества контр-революции.

Впрочем, точно также смотрел на духовенство и предшественник Врангеля—Деникин, который в своих очерках „Русской смуты“ говорит, что „мученический подвиг сотен, тысяч служителей церкви (речь идет о духовенстве, подвизающемся в пределах Советской России) повидимому бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой“ (т. 1, стр. 10).

Г Л А В А I.

Врангелевский закон о земле и деревня.

Земельная политика ген. Врангеля явилась продолжением знаменитой столыпинской земельной „реформы“. Черный барон также, как и печальной памяти вешатель Столыпин, объявил „ставку на сильных“, другими словами, задумал подпереть расшатанный от революционных потрясений буржуазно-помещичий строй кулацкими элементами деревни. На эту преемственность между законом 25-го мая и законом 9-го ноября указывала не только крымская белогвардейская печать, но и возобновивший при Врангеле свою деятельность сенат. В указе сената Таврическому губернскому управлению от 30-го июня 1920 г. за № 57 мы читаем: „Приказ правителя, облеченного всей полнотой власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственную собственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель. Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства верховной властью“. („Таврические Губернские Ведомости“, 14 июля 1920 года № 38). Законники сенаторы несомненно сказали правду о законе 25-го мая, установив соответствие его „историческому развитию земельного законодательства верховной властью“, т.-е. законодательству самодержавия.

Подоплеку всей земельной политики белогвардейцев в 1920 году раскрывает доклад начальника управления земледелия и землеустройства, сенатора Глилки, адресованный представителю союзников, генералу Перси. Последний затребовал в июне 1920 г. от правительства ген. Врангеля подроб-

ных сведений о земельной реформе. В этом докладе закон 25 мая охарактеризован следующим образом: „Права земельных советов по закону Врангеля чрезвычайно широки. Они устанавливают земельный порядок, наиболее соответствующий характерным потребностям и правовым понятиям крестьянского населения—лучше сказать, хозяйственной его части, а не пролетарской, не имевшей оседлости и беспокойной, развращенной революционными вожделениями бедноты“. К этой самохарактеристике приходится лишь добавить одно: и по отношению к кулаку ген. Врангель действовал неискренно, думая опереться на него до поры до времени, а там отпереться от этого претендента на „исконную“ помещичью землю. Ибо по существу дела земельная политика Врангеля преследовала те же цели, что политика его предшественника, ген. Деникина,—реставрацию помещичьего землевладения, но другими методами, иными средствами ¹⁾.

¹⁾ Вот как характеризует аграрную реформу видный белогвардейский деятель в докладе „Аграрный вопрос у нас“: Спасаясь от нападения стаи голодных волков, обезумевшие от страха путники выбрасывают им по кускам всякую живность в надежде успеть добраться до безопасных мест, пока звери будут терзать добычу и из за нее грызть друг друга. Такой же временный, паллиативный характер имеют и все предлагаемые меры к решению аграрного вопроса,—они имеют значение только отсрочки катастрофы или делаются в такой надежде, чтобы успеть закрепить власть и получить за это время достаточно сил для самозащиты“. (Дело № 5 „Землеустройство“, архив Врангеля, доклад проф. И. А. Липниченко).

А вот показания самого Глинки по этому поводу: „Правительственная власть не указывает и не распоряжается в земельном деле, а только помогает и содействует в этом деле, предупреждая только,—если это будет нужно,—гибельное вмешательство в него противогосударственных элементов (четырёххвостной толпы) и идей всеобщего поравнения даже мелкой собственности, разрушения мелких трудовых хозяйств или производительно-потребительных хозяйственных единиц, культурно-промышленных центров, бывших крупных владельцев, ограждаемых законом“. (Письмо Глинки к В. А. Маклакову). Письмо это написано с целью опровержения слухов о враждебном отношении Глинки к закону 25 мая, и поэтому лучше всего свидетельствует о подоплеке земельной реформы.

Прекрасно ориентировалась в политике Врангеля крымская деревня, так что вся демагогическая шумиха, поднятая врангелевскими молодцами вокруг 25 мая, пропала совершенно даром. Прежде всего, деревня в целом не верила в прочность власти „русской армии“, как не верила и до того в власть „добровольской армии“. Своим практическим чутьем крестьянство поняло, что власть Врангеля однодневка, что все ее мероприятия эфемерны, а посему по отношению к ней избрала себе определенную тактическую линию: изыскание средств и путей для уклонения от исполнения возлагаемых этой властью обязанностей. Этой тактической линии крымская деревня придерживается неуклонно в течении всего 1920 года и проводит ее всячески. Кроме того, деревня не могла не понять и того, что земельная политика барона преследует исключительно цели демагогические. Об уяснении крестьянству подлинного смысла земельной „реформы“ в достаточной мере позаботился сенатор Глинка, глава управления земледелия и землеустройства, своими многочисленными „разъяснениями“ закона 25 мая, сводившими на нет даже те жалкие крохи, которые закон мог дать при добросовестном его проведении незначительной кулацкой верхушке крестьянства.

Г Л А В А II.

Вопрос о церковных и монастырских землях.

Сообщение правительства Врангеля по земельному вопросу, сопровождавшее закон, определяет руководящую мысль закона о земле двумя основными стремлениями: „1) охранять всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий и захватов и 2) передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие“.

Итак, речь идет о передаче „трудящимся на земле хозяевам“ пригодных для ведения хозяйства земель. Но среди последних не упоминаются земли церковные и монастырские? Почему в пользу них сделано изъятие?

Эти вопросы не могли не возникнуть не только у крестьян, но даже у правительственных чиновников, проводивших в жизнь закон 25-го мая. Вот, например, телеграмма Начполитота Лашкевича, адресованная Начальнику Гражданского Управления Тверскому, Начальнику Отдела Печати Немировичу-Данченко и Секретарю Помощника Правителя Кривошеина, Голубинцеву:

„Неблагоприятное впечатление в земельном законе производит пункт о сохранении церковных и монастырских земель. Указывают на Бизюковский монастырь в Таврии, имеющий свыше 40.000 десятин земли“ (17-ое июля № 153, из Феодосии).

Разумеется, Лашкевич не стал бы беспокоить начальства, если бы это „неблагоприятное впечатление“ не было массовым, не тормазило бы его работу по пропаганде. О настроениях деревни в связи с сохранением монастырских и церковных земель сообщали и белогвардейские газеты. Вот что по этому поводу сообщают „Южные Ведомости“:

„Не одобряется ими (крестьянами) самым определенным образом неотчуждаемость монастырских и вакуфных земель,—есть монастыри, при которых имеется 40.000 десятин земли, издавна арендуемых крестьянами“. („Ю. В.“ № 187).

Чтобы точно уяснить себе данный вопрос, необходимо предварительно установить, как обстояло дело с церковными и монастырскими землями в Таврической губернии вообще и, в частности, в Крыму. По данным 1913 г. количества церковного и монастырского землевладения были таковы:

В УЕЗДАХ.	Число владений.	Колич. дес.	Сред. разм.
Симферопольском	129	1883	16,6
Бердявском	5	470	94,0
Евпаторийском	102	48.158	472,1
Мелитопольском	2	176	88,0
В Феодосийском	67	10.036	260,8
В Перекопском	36	9.369	149,8

Вакуфных земель в одном Крыму насчитывалось около 80.000 десятин. Стало быть, по меньшей мере (принимая во внимание отсутствие данных относительно вакуфных земель

в Северной Таврии и вообще подробных сведений о монастырском и церковном землевладении в целом ряде других уездов) в распоряжении духовенства во всей Таврии надо считать 150.102 десятин. Святые отцы большей частью хлебопашеством не занимались, а сдавали землю в аренду, в частности в скопщину. Средний размер церковного участка составлял, таким образом, 205,6 десятины.

Любопытно при этом уяснить себе количество лиц, владеющих или распоряжавшихся столь значительными земельными участками. По данным 1915 года (статистический справочник Таврической губ., изд. Статбюро Тавр. губернского земства 1915 г.) во всей Таврии насчитывалось лиц духовной профессии, вместе с членами семьи:

	Абсолютн. число.	0,00/0 к общ. чи- слу нас.	Мужск. пол.	0,00/0 общ. нас.	Женск. пол.	0,00/0
Всего	9592	0,66	4752	0,62	4840	0,71
В городах	2904	1,0	1429	0,89	1475	1,14
В деревнях	6688	0,58	3323	0,55	3365	0,61

Чтобы определить, сколько десятин земли приходится в среднем на одно лицо духовного звания, мы поделим общее количество церковных и вакуфных земель на последнюю цифру, показывающую общее количество лиц духовного звания обоого пола, живших в деревнях, и тогда получим приблизительное среднее — в 25 десятин.

Разумеется, наши вычисления далеки от истины. На самом деле среднее количество гораздо выше. Прежде всего следует иметь в виду, что данная нами цифра в 150.102 д. касается исключительно русского и татарского духовенства. Между тем, Таврическая г., в особенности Крым, по своему этнографическому составу отличается значительным разнообразием и пестротой. В Крыму, например, „прочие национальности“ (как то: немцы, евреи, греки, армяне, болгары, поляки, караимы и другие) составляют 23,80/0 (данные 1917 г.). Стало быть, из общей цифры 6688 надо вычесть известную часть представителей духовенства других национальностей. Кроме того, следует еще указать на значительность монастырских земель. Один Бизюковский монастырь владел

огромной латифундией в 40.000 десятин. В отношении к монастырям среднее количество должно быть вычислено не по общей рубрике лиц духовного звания обоого пола, а главным образом по рубрике „М. П.“ Этот средний размер владения одного духовного лица любопытно сопоставить с общим средним размером владений (т. е. сколько десятин земли вообще приходится на одну душу населения в Крыму). Данные 1917 года показывают, что средний размер владения на одну душу таков:

Уезды:	
В Перекопском	9,9
„ Евпаторийском	9,6
„ Феодосийском	5,7
„ Симферопольском	5,3
„ Ялтинском	2,3

Средний размер таким образом исчисляется в 6,56 дес. Но самое существенное в этом деле это не сопоставление церковного землевладения с такой абстрактной величиной, как средняя цифра земли, приходящей на 1 душу населения. Гораздо важнее указать на вопиющую земельную нужду, царившую в Таврической губернии, в частности в Крыму. Относительно последнего мы имеем точные данные, заимствованные нами из книжки М. Е. Бененсона (издание 1919 г. Завед. Статбюро Таврич. губернского земства). Вот что пишет по этому поводу Бененсон:

„Самым заметным явлением в Крыму является громадное число безземельных хозяйств. Из всех 64.848 хозяйств только 39.531 хозяйство имеет собственную землю в том или ином количестве. Следовательно, 40% всего крестьянского населения лишено земельной собственности. По отдельным уездам соотношение безземельного и малоземельного населения еще менее благоприятно. В Перекопском уезде безземельное население составляет 56,4%, в Евпаторийском 63,4%, в Симферопольском 26,2%, в Феодосийском 45,9%, в Ялтинском уезде 17,4%. Таким образом, особенно многочисленно безземельное население в степных уездах. Здесь, рядом с крупными частными владениями в тысячи, иногда и в десятки тысяч десятин, расселилось зна-

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХД
Інв. № 464002

чительное количество деревенской бедноты, как рабочая масса для этих владений. Часть ее является запасом рабочей силы, живущей только наймом в экономии, лишенной собственного сельско-хозяйственного инвентаря. Другая часть живет издольной арендой, платя за пользование земель долю урожая. За исключением отдельных случаев, бывшая часть скопщиков, арендаторов земли, хозяйственно стоит немного выше той массы, которая живет только наймом на промысла. Причины этой хозяйственной бедноты лежат в тех условиях аренды, которые практиковались до революции и в значительной мере сохранились и теперь. Чтобы представить себе ясное значение безземельного населения в Крыму, приведем еще следующие цифры..

Всех сел и деревень в Крыму — 1336. Из них 132 находятся в местностях, в которых почти нет полеводства, где население занимается только садоводством или виноградарством. Из остальных 1204 пунктов в 493 селениях исключительно безземельное население на арендованной и, главным образом, взятой в скопщину земле. Кроме того, в 309 селениях безземельное население преобладает, и только в 402 селениях живут исключительно или главным образом земельные крестьяне, которые снимали в 1917 году 266,499 д. в аренду, из которых 67% снимались на скопщину и только 33% за денежную плату. Кроме того, татарские духовные вакуфы, составляющие около 80.000 десятин, почти полностью сдаются в скопщину“ („Экономические очерки Крыма“).

Эта вопиющая нужда в земле при значительности размеров церковной земельной площади, сдаваемой крестьянам в аренду на чрезвычайно тягостных для них полукрепостнических условиях скопщины, не могла не компрометировать закон 25 мая, который в своей декларативной части говорил о „передаче земель трудящимся“ в то время, когда столь значительные фонды нетрудового землевладения оставались неприкосновенными. И правительство Врангеля вынуждено было поставить этот вопрос, по крайней мере, делать попытку разрешить его.

БІБЛІОТЕКА
Українського Інституту

МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ

№ 17150

В найденных нами документах имеется проект отношения по данному вопросу главы Управления земледелия и землеустройства Глинки к епископу севастопольскому Вениамину с просьбой поставить перед церковным Управлением вопрос о церковных и монастырских землях.

Аналогичный проект послания был составлен и для магометанского духовенства. Последний разнится от первого лишь тоном: по отношению к магометанскому духовенству Глянка обнаруживает меньше почтительности и в общем отношении это составлено в несколько более категорическом тоне. По содержанию же оба отношения ничем не отличаются друг от друга. Эти проекты посланий были, однако, задержаны. Вместо них было отправлено письмо Врангеля, в котором последний в крайне мягкой форме не то убеждает, не то умоляет святых отцов как-нибудь обсудить земельный вопрос и известить его о результатах такого обсуждения.

На это письмо последовал ответ Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России, в котором оно извещает Врангеля, что церковь не находит возможным поставить вопрос об отчуждении монастырских и церковных земель. На этом переписка и кончается.

Больше никаких попыток со стороны „железного“ барона к отчуждению церковных и монастырских земель сделано не было. Спрашивается, почему решительный Врангель спасовал перед духовенством? Ответ на этот вопрос имеет большой интерес, ибо он должен нам выяснить взаимоотношения между церковью и Врангелем, интересы, связавшие последыша российской буржуазно-помещичьей контр-революции и наше духовенство.

В приводимом ниже проекте послания Глинки к Вениамину указывается, что изъятие церковных и монастырских земель из действия закона 25 мая имело „чисто идейные основания“.

Нам остается поэтому лишь выяснить, каковы были материальные основания „идейных оснований“ врангелевщины.

ГЛАВА III.

Политическая роль духовенства в Крыму в 1920 году.

О составе Врангелевской камарильи, о всех коноводах правительства вооруженных сил Юга России в 1920 году много говорить не приходится. Врангелевские деятели слышком известны. Все они обладали крупным стажем по работе при царизме, являясь во время самодержавного режима не только самой консервативной, но и самой реакционной, самой черносотенной частью нашего дворянства. Три года революции не изменили ни взглядов, ни стремлений всех этих деятелей. Изменилось лишь их настроение: эти господа успели за три года накопить большой запас желчи, озлобления и мстительности. Чтобы охарактеризовать политические настроения руководящих кругов Врангеля, приведем несколько фактов. Сенатор Глинка, начальник Управления земледелия и землеустройства, в письме к Маклакову (Парижскому посланнику), характеризует себя таким образом: „я был, есмь и останусь монархистом—никогда этого не скрывал“. А вот письмо одного из деятелей национального центра сенатора Глинки:

„Помните, как союзники долго испытывали Колчака и Деникина в подозреваемых реакционных целях? В Екатеринодаре вместо исключительного внимания к фронту повели внутреннюю политику с монархическими выступлениями, и социалисты в отместку стали помогать большевикам,—и что же вышло?... У нас „Национальный Союз“ считают даже черносотенным и своими резолюциями набрасывают тень на Врангеля, которого либеральная Европа липит сочувствия и поддержки. Мне думается, что в Учредительном собрании монархисты с крестьянами возьмут верх и тогда все достигнется легально, своевременно, без излишних потрясений во вред возрождению России“.

Автор этого безграмотного письма несомненно „левый“. Он в этом же письме говорит: „Опасаясь новых кровопролитий и жестокостей со стороны крайней партии“, приба-

вляя, правда: „жидков комиссаров не жалею“. Таковы были „левые“ элементы врангелевских деятелей.

Кроме „Национального Союза“ и так называемых „Национальных Общин“, действовавших во всех городах Крыма на правах неофициальной власти (особенно свирепствовала „Национальная община“ в Ялте), в Крыму орудовал еще „Союз русских патриотов“, во главе которого стоял А. А. Спасский.

Идеи этой черносотенной братии в общем и целом сводились к старому шаблону, выработанному Дубровиным, Пуришкевичем и пр. деятелями „Союза Русского Народа“. Сила России, дескать, всегда зиждилась на том, что она была царством православия. Иностранцы и иноверцы, главным образом, франкмасоны и жидаы, погубили Россию. Объединение России мыслимо только через возвращение к старому: самодержавию, православию и народности и т. д. Необходимость монархии и не дебатировалась даже. Спорным являлся лишь вопрос: как восстановить монархическую власть—путем ли диктатуры, или прибегнув к некоторому избирательному декоруму. Профессор Булгаков, проделавший на своем веку изумительную эволюцию от марксизма до черносотенного поповства, в своей книжке „Трое“ высказывался в том смысле, что патриарх помажет в цари избранного народом президента и затем „на Руси воцарится мир и справедливость, и всеобщее блаженство“. О роли, выпавшей на долю патриарха и вообще церкви, говорили не только лица, причастные к церкви, но и обыкновенные светские представители контр-революционной интеллигенции. При этом ссылались на историю: дескать, в эпоху смут и междуцарствия патриарх всегда принимает на себя роль установителя временного распорядка светскими делами.

При таких условиях церковь не могла не играть выдающейся политической роли.

С самого начала врангелевщины Севастопольский Епископ Вениамин стал играть виднейшую роль в правительстве Врангеля.

Впоследствии не менее видную роль играл архиепископ Дмитрий, митрополит Антоний, значительным влиянием

пользовался Царицынский епископ Домиан, главарь „Всероссийского братства Св. Владимира“. Власть Врангеля с амвона трактовалась как власть, „борющаяся за Христа“. Вообще, церковь во время Врангеля превращается в орган политической пропаганды, проводивший идеи зоологического национализма в рамке монархизма и клерикализма.

Врангель не только ничего не имел против подобной деятельности церкви, но всячески ее поощрял. И это вполне понятно: у самого Врангеля отсутствовали лозунги и идеи, которые могли бы в какой бы то ни было мере импонировать массам. От Деникинского лозунга „Единая, великая, неделимая“ пришлось по независящим обстоятельствам отказаться. Приходилось лавировать, вести переговоры, устанавливать соглашения с кубанцами, украинцами, поляками и даже с грузинами.

Лозунг „борьба с большевиками“, как лозунг чисто отрицательный, был явно недостаточен. Необходимо было дать что-нибудь положительное массам, сказать что-нибудь такое, что импонировало бы по крайней мере инстинктам отсталых элементов. Единственной мощной организацией, не только способной давать положительный лозунг, но обладавшей еще сильным аппаратом, связанным сверху до низу с народом, являлась церковь. Она обладала еще тем преимуществом перед другими органами пропаганды, что революция не разрушила ее, и она продолжала существовать, как Всероссийская организация, подчиняющаяся формально патриарху и, следовательно, ее выступления могли быть истолкованы, как выступления некоей самостоятельной организации, за которые Врангель ни в малейшей степени не ответственен.

Сам Врангель в своих выступлениях бывал довольно осторожен. Правда, в своей речи к Мелитопольским крестьянам в сентябре 20 г. он сказал:

„Считаю долгом сообщить Вам, что Ваши лишения не будут долго продолжаться. Скоро и очень скоро к Вам придет Хозяин земли русской“ („Великая Россия“ № 104). О „Хозяине“ он говорил и в других случаях. Но никаких разъяснений к слову „Хозяин“ не последовало и либераль-

ным болтунам была дана возможность истолковывать это в смысле скорейшего созыва Учредительного Собрания.

Выступавшие в печати монархисты, как, например, Московский присяжный поверенный Н. Измайлов, издававший в Севастополе газету „Русскую Правду“ с лозунгами „за веру, царя и отечество“, вели себя до того скандально, принимали такую яростную погромную агитацию, что их приходилось под давлением французской миссии приструнивать, призывать к порядку. Зато выступления представителей Церкви в том же духе избавляли Врангеля от всяких неприятных разговоров со своими заграничными покровителями.

Погромная и монархическая агитация велась попами усиленно в течение всего 20-го года в Крыму. Она особенно усилилась к концу врангелевщины. В сентябре (12, 13, 14-го) Высшим Церковным Управлением были объявлены так называемые „Дни всенародного покаяния“¹⁾. Этим дням покаяния предшествовала трехнедельная агитация духовенства и проповедь на тему: в чем заключаются прегрешения России, за которые покарал ее „Господь“. В этих выступлениях имели место и бешеная антисемитская агитация и широкая агитация в пользу монархии. Симферополь-

¹⁾ Объявление „дней покаяния“ следует рассматривать, как официальное выступление правительства ВСКЮР, сделанное через церковь. Смысл этого выступления виден из послания Высшего Церковного Управления на юго-востоке России „православному русскому народу“.

Начинается это знаменитое послание установлением первого великого греха русского народа „богоотступничества многих, ослабления духа ревности к вере“. В Церковное Управление рекомендует „разрушить царство зверя и восстановить православное царство под водительством церкви Христовой“.

„Второй великий грех—дух мятежного своеволия и бунта... мятежники сознательно восстали против законной богоустановленной власти и совершили клятвopеступление, нарушив присягу на верность, данную своему царю. Но еще более тяжкий и страшный грех повела за собой измена—допущение цареубийства, жертвенная кровь помазанника божия царя-мученика вопиет к небу, ее пролитие проклятием тяготеет над русской землей, пока не будет снято искренним слезным раскаянием“.

Заканчивается это послание молитвой к Господу „сокрушить силу вражью, возвеличить церковь православную“ и „воздвигни православное Царство“.

ская газета „Юж. Ведомости“ сообщает, что „в связи с приготовлениями к дням покаяния распространяются упорные слухи о том, что 14-го сентября будет превозглашен царем бывший князь Михаил Александрович“ (№ 225).

Врангель счел нужным в связи с объявлением дней покаяния издать приказ о частичной амнистии для уголовных преступников.

Была объявлена эта амнистия по представлению, сделанному Управляющим Военным и Морским Духовенством, Епископом Севастопольским Вениамином. Погромная агитация до того усилилась в „дни покаяния“, что властям пришлось, скрепя сердце, выступить с объявлением о запрещении погромной агитации. Сделано это было весьма хитроумно.

Таврический Губернатор в своем приказе по этому поводу приводит инструкции, якобы присланные из Советской России коммунистическим организациям Крыма, о необходимости для коммунистов разложить Врангелевский тыл погромной агитацией...

Неизвестно, как заработали соответственно этому приказу в „дни покаяния“ контр-разведки по части вылавливания коммунистов, „занимавшихся погромной агитацией“, но попы ничуть не испугались губернаторского приказа и продолжали свое дело.

Особенно отличался в эти дни своими выступлениями знаменитый поп Востоков, который во всех городах Крыма читал одну и ту же лекцию. Его выступлению предшествовало пение „Боже Царя храни“ и заканчивалось погромно-монархическими демонстрациями. Этот черносотенный поп в своих лекциях давал обзоры революции приблизительно в таком виде:

„Второго марта 1917 года произошло то-же, что у крыльца Пилата: Русский народ променял Христа на Варраву, крест на красное знамя, солдат обманули, сказавши им, что царь отрекся. Все это сделали евреи. А нам говорят: не смейте обличать злобу еврейскую, вы возбуждаете одну часть населения на другую, это может вызвать погром“.

Далее: „Распутин роди революцию, революция роди Керенского, то же еврея и масона, Керенский роди двойню: Лейбу Бронштейна и Ленина, двойня роди анархию, а анархия роди монархию. Только монархии две бывают—одна из них под красной звездой Содомоновой. Мы, священники, не можем медлить с обличением, чтобы русский народ не подпал под власть этой звезды. Отрешитесь от пилатовых компромиссов, не умывайте рук. О, вы, мужественные Иоанны, не взирая на иудейские запугивания, станьте у креста. В великий день 14 сентября пойдем за знаменами, на которых начертаны слова: „за веру христову, безумцами поруганную, за царя, масонами убиенного, за русский народ, иудейской злобой распинаемый“.

Восприимчивая аудитория резюмировала, по словам „Южных Ведомостей“, лекцию попа-погромщика таким образом:

„Значит, 14-го день покаяния, а погром когда“.

В самый день 14 сентября отец Востоков обратился к толпе молившихся с вопросом: „чего же хотим мы, православные христиане?“ В ответ раздались крики: „Царя“. Сначала одиночные, они накатывались, как снежный ком, и были покрыты дружным ура. („Таврический Голоц“ № 325).

Архиепископ Дмитрий был мудр, как змей, и его выступления носили менее оголтелый характер. Но в общем и целом они мало чем отличались от мракобесных выступлений Востокова. Когда к этому архиепископу обращались за разрешением петь в соборе „Боже Царя храни“, он отвечал: „я не могу ни в коем случае этого разрешить, точно также, как не могу и запретить“...

Вся это иезуитско-жульническая братия до того завалась, что решила было устроить крестный ход за линию фронта.

Отец Востоков уверял газетных корреспондентов, что он пройдет до самой Москвы, уничтожая по пути крестом и хоругвями „антихристовы силы“. В этом направлении велась определенная агитация ¹⁾. Но в последний момент

¹⁾. Мысль о крестном ходе находила много приверженцев не только среди духовенства, но и среди военных. По словам Востокова, этот план вы-

Высшее Церковное Управление, обсудив проект Востокова, признало его неосуществимым.

Духовенство вело не только внутреннюю, но намечало определенную внешнюю политику в смысле создания черного интернационала в противовес III-му красному интернационалу.

Об этой затее у нас мало материала. В виду особого интереса его приводим полностью все, что нам известно по данному поводу.

Мысль о создании черного интернационала возникла в связи с состоявшимся летом 1920 года в Ламбессе (вблизи Лондона) совещания архиепископов и епископов англиканского исповедания. Означенное совещание вынесло резолюцию о воссоединении всех христианских церквей, к чему призывалась и православная церковь.

Скоро после совещания в Ламбессе состоялся в Женеве конгресс всех христианских исповеданий. Высшее церковное управление на Юго-Востоке России постановило приветствовать почин англиканской церкви и предполагало отправить своего представителя на Женевский конгресс. Последний ставил своей целью создание так называемого единого „Христианского фронта“ для борьбы общими силами с общим врагом в лице 3-го интернационала. В Женеве же было выяснено, что вопрос о соединении церквей американской и англиканской с православной есть вопрос ближайшего времени. Представители американско-англиканских церквей приняли православный символ веры и служили литургию с греческими епископами. Там же, в Женеве, был поднят и другой вопрос о созыве 8-го вселенского собора всех христианских исповеданий („Крестьянский Путь“ № 38—20 г.).

Эта инициатива закордонных попов нашла горячий отклик

звал „полное сочувствие одного из виднейших наших военачальников, обещавшего мне очень ценную помощь“. Севастопольский епископ Вениамин называл этот проект похода хоругвями и крестом на третий интернационал „святой мечтой“. Обещал всяческое содействие осуществлению похода митрополит Антоний, который даже предполагал шествовать во главе крестного хода.

в Крыму. Отец Востоков решил образовать братство святого креста. Повидимому, означенное братство было даже организовано. Нам по крайней мере из крымских газет известно, что оно было зарегистрировано в окружном суде и что оно было утверждено архиепископом Дмитрием.

Ближайшей задачей братства святого креста являлись составление и отправка через ген. Врангеля к руководителям всех европейских христианских церквей призыва к объединению в борьбе „с сатанизмом, грозящим зажечь мировой пожар“.

В этом обращении предполагалось требовать прекращения всяких торговых сношений и прочих с большевиками, требование полной изоляции „их“, подобно тому, как изолируются в специальных лагерях прокаженные.

В виду того, что правительства европейских государств находятся под влиянием и воздействием масонства, обращение братства святого креста должно было быть направлено к руководителям церквей непосредственно, минуя правительство.

Следующей задачей братства намечалось распространение духовной литературы, для каковой цели налаживалась уже и типография („Южные Ведомости“ № 202). Несомненно: вся эта шумиха, поднятая поповством вокруг вопроса о новом крестовом походе, была лишена реальной почвы. Но все же весьма показательным является то обстоятельство, что рыцари средневековья нашли довольно сильную поддержку у представителей буржуазии. Это лишний раз свидетельствует о бездне вырождения, в которое скатились командующие классы современного общества, если для защиты своих интересов они вынуждены были прибегнуть к религиозному бреда попов и монахов.

Сотрудничество же в Крыму буржуазно-помещичьей власти с отцами юродивыми, с погромно-мошеннической бандой Востоковых и прочих самым красноречивым образом говорит о том, что представляла собой наша буржуазия, насколько правы были в 1917 году так называемые правые социалисты, вздумавшие двинуть колесницу революции при

помощи „всей революционной демократии“, в состав которой была включена и наша буржуазия.

Земельный закон 25 го мая вызвал острое недовольство среди духовенства. Оно в этой вынужденной уступке усматривало угрозу своим интересам. Вопреки своему обыкновению комментировать и популяризировать всякий шаг генерала Врангеля, приказ от 25 мая о земле православным и магометанским духовенством был обойден молчанием.

А темпераментный погромщик отец Востоков в своих публичных выступлениях вел даже агитацию против закона 25-го мая, называя его „ограбным“ законом („не аграрный, а ограбный закон“).

С другой стороны, частые донесения землемеров, земельных посредников говорили о крайне скептическом отношении крестьян к закону, о сильном недоверии к нему, вызванном в значительной мере изъятием из действия закона церковных и монастырских земель. Врангель не мог не попытаться воздействовать на своего вернейшего союзника, духовенство. Эта попытка нашла свое выражение в письме, посланном Врангелем архиепископу Дмитрию, председателю Церковного Управления.

Тон этого письма, в котором подчеркивается, что речь идет лишь о параллельном с государственной властью выступлении со стороны церкви, другими словами, признании Врангелем суверенитета святых отцов в вопросе о церковных и монастырских землях, заранее определял собой решение Высшего Церковного Управления. Разумеется, оно не могло пожелать отчуждения своих латифундий, дававших значительные барыши. Высшее Церковное Управление рассмотрело письма Врангеля и ответило длинной докладной запиской ¹⁾, смысл которой сводится к следующему: Церковное Управление не считает себя в праве распоряжаться церковными и монастырскими землями, что вопрос этот мог бы быть решен только Всероссийским Священным Собором

¹⁾ Докладная записка проф. Верховского была составлена еще в 1919 г., когда в лагере белых аграрный вопрос дебатировался лишь теоретически.

или святейшим патриархом. Помещики в рясах, отдававшие монастырские и церковные земли в скопщину, заявляют при этом, что „движимое и недвижимое имущество церкви не отчуждаемо, потому что то и другое приносилось верующими в жертву Богу, и особенно через употребление при богослужении становилось священным“.

Крымские попы 20-го года при этом ссылаются на попов и монахов средневековья, на всемирный собор замогильных преподобных теней, мобилизованных нашими иезуитами для защиты доходной землицы от посягательств мужика. В этой записке, впрочем, приводится аргумент довольно земного характера: „Опыт переживаемой катастрофы показывает, что только землевладение и натуральное хозяйство дает прочное обеспечение, особенно необходимое таким учреждениям, как церковные, призванные к самому высокому служению человечеству“.

Как видит читатель, „высокое служение человечеству“ должно быть вознаграждено не только на том свете царством небесным, но и изрядной земельной рентой в сем мире сует. Замечательнее всего однако последний аргумент: „Полное лишение церкви ее имущества недопустимо, потому что труд по обработке земли имеет глубоко воспитательное значение, напоминая сказанное: „в поте лица твоего будешь есть хлеб свой“ и сближая наше трудовое монашество и духовенство с народом, как требующим ныне нравственного воспитания и доброго воздействия“.

Врангель, очевидно, вполне удовлетворился полученным от Церковного Управления ответом и оставил благочестивых ленд-лордов в покое, сознав, по всем видимостям, насколько существенно „нравственное воспитание и доброе воздействие“ на народ духовенства, как взиманием скопщины за арендуемые церковные земли, так и монархически-погромно-клерикально-националистической агитацией.

НАЧАЛЬНИК
УПРАВЛЕНИЯ
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

—) ПРИ (—
ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ
ЮГА РОССИИ,

(Проект)

Копия.

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Его Преосвященству
Преосвященнейшему
Вениамину, Епископу
Севастопольскому и
Председателю Вре-
менного Высшего
Церковного Управле-
ния на Юго-Востоке
России.

Как известно Вашему Преосвященству, Земельный Закон 25-го мая, передавая трудящемуся на земле населению угодья сельскохозяйственного пользования из имений частновладельческих, казенных и Государственного Земельного Банка, совершенно не касается земель церковных и монастырских.

Изъятие это, резко противоречащее всему духу Закона, имеет чисто идейные основания, подчеркивая в глазах населения как высоту авторитета Церкви, так и особую о Ней и Ее служителях заботу Государства.

Жизнь, однако, нередко требуя значительных уступок в сторону удовлетворения насущных материальных нужд населения, может противопоставить этой высокой идее—нужду в земле, иногда весьма острую, местного населения, значительность местами величины владений церквей и монастырей и возможность поддержки духовенства иным и, может быть, более удобным, способом.

Наилучшим выходом из этого положения была бы добровольная уступка церковью части своих земель с распространением на них действия закона 25-го мая, как о том уже было высказано пожелание Вашим Преосвященством, и что без сомнения лишь упрочило бы пастырский авторитет духовенства. Уступка эта оказалась бы особенно уместной в тех случаях, когда площадь церковных и монастырских земель превышает норму среднего церковного надела, или когда земли эти не обрабатывались физическим трудом причта или монастыря, а сдавались в денежную или полную аренду.

В виду вышеизложенных соображений и считая, что и в этом случае вся инициатива должна исходить от Церкви

же, Управление Земледелия и Землеустройства предоставляет настоящий вопрос всецело на благоусмотрение Высшего Управления, прося лишь о срочном его обсуждении и о последующем извещении Управления.

Испрашивая святых молитв Ваших и Архипастырского благословения, имею честь быть Вашего Преосвященства покорным слугой.

„ “ июня 1920 г. №.....

Главкомандующий
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ
июля 31 дня 1920 года
№ 10395
г. Севастополь

Копия.

Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь!

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Дмитрию, Председателю Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России.

Личные мои наблюдения и единодушные показания других лиц свидетельствуют, что изданный мною 25-го мая Земельный Закон принят населением с глубоким удовлетворением и вызывает везде патриотический подъем и любовь к Русской армии и энергию в борьбе с угнетателями—большевиками.

Но в некоторых местах, занятых нашей армией, я (в частности, в известном Кизюковском монастыре), приходилось встречаться с недоумением населения по поводу монастырских, причтовых и церковных земель.

Как истинно верующие сыны православной церкви, и мои ближайшие сотрудники в земельном вопросе, не сочли для себя нравственно возможным коснуться церковного достояния.

Но интересы государственного воссоздания России и недоумения населения побуждают меня обратиться к Вашему Преосвященству, как председателю Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России, с просьбой обсудить давний вопрос: сочтет ли возможным сама православная Церковь, параллельно с Государственной Властью,

вынести какое-либо решение, чтобы, с одной стороны, охранялись действительные нужды церкви, а, с другой, показать Русскому народу, что Православная Церковь, как и встарь, всегда идет навстречу нуждам своих чад, думая о спасении и пользе измученной родины.

Поручая себя святительским молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
(собственноручная подпись)

искренно преданный П. Н. Врангель.

С подлинным верно:

За Начальника Общего Отделения
Отдела Дежурного Генерала Шта-
ба Главнокомандующего
Подполковник Ильин.

Таврическому Магометанскому
Духовному Управлению.

г. Симферополь, Контарная, 20.

“ июня 20.

Как известно Духовному Управлению, Земельный Закон 25-го мая (статья 2-я, пункт 4-й Правил), устанавливая передачу трудящемуся на земле населению всех имений, принадлежащих частным владельцам, казне и Государственному Земельному Банку, совершенно не касается земель церковных и монастырских всех вероисповеданий, в том числе и земель вакуфных.

Исключение это, долженствующее подчеркнуть авторитет духовенства в глазах населения, было допущено лишь как временное положение, которое должно быть разрешено при ближайшем участии подлежащих Духовных Органов.

Нельзя при этом не учесть того обстоятельства, что как бы ни было желательно основываться в разрешении

данного вопроса на указанной высокой идее авторитета духовенства, жизнь может противопоставить этой идее необходимость удовлетворения насущных материальных потребностей населения, острую в иных местах нужду его в земле, значительность площади земель духовных учреждений и возможность поддержки Духовенства иным, может быть, более удобным пособием, особенно если принять во внимание, что Закон 25-го мая обеспечивает справедливое вознаграждение за отчуждаемые угодья.

В виду изложенных соображений Управление Земледела и Землеустройства, передавая настоящий вопрос на обсуждение Магометанского Духовного Правления, просит о срочном его рассмотрении и о выработке оснований, на коих вакуфные земли могли бы перейти трудящемуся населению,—и какой площади: всем ли крестьянам земледельцам и как должно быть использовано причитающееся за вакуфные земли вознаграждение.

Начальник Управления.

Начальник Общей части.

Выписка из протокольного определения Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России от 17 июля—7 августа 1920 г. за № 605.

Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России имело суждение по вопросу о возможности передачи монастырских и церковных земель в общий земельный фонд для распределения между неимущими и малоземельными крестьянами. Справка: 1) Протокольным определением Высшего Церковного Управления от 4 октября 1919 г. за № 244 постановлено: принимая во внимание, что вопрос о церковном землевладении очень сложен и затрагивает не только практические нужды Церкви, но также исторические тенденции и церковные каноны, Временное

Высшее Церковное Управление определяет: поручить профессору Н. В. Верховскому составить по сему вопросу записку, в коей изложить историко-канонические основания, по коим рассмотрение и решение вопроса о возможном отобрании церковных земель необходимо во всяком случае отложить до тех пор, пока по нему будут в состоянии высказаться Всероссийские Органы Церковной власти. Записку эту, по ее изготовлении, препроводить Начальнику Временного Управления Исповеданий и напечатать в Церковных Ведомостях.

2) Протокольным определением Высшего Церковного Управления от 29-го октября—3 го ноября 1919 года за № 257 постановлено, присоединяясь к изложенным в записке профессора Н. В. Верховского доводам относительно несвоевременности и нецелесообразности скорейшего отобрания церковных земель и не находя возможным взять на себя какое либо решение по сему сложному и ответственному делу до рассмотрения его Святейшим Патриархом и Всероссийским Церковным собором, Временное Высшее Церковное Управление считает весьма полезным и нужным изложенные в записке историко-канонические основания церковного землевладения довести до сведения г.г. Атаманов Всевеликого Донского, Кубанского и Терского войск и Председателей из представительных учреждений Большого Войскового Круга Всевеликого Войска Донского, Кубанской Законодательной Рады и Большого Круга Терского Казачьего войска, а посему определяет сделать по сему делу надлежащие сношения, каковые сношения в свое время и были сделаны.

Закон. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих от 31-го августа—13-го сентября 1918 г., предусматривает владение монастырями движимым и недвижимым имуществом, которое является главным источником их просветительно религиозной деятельности и оно является достоянием всей Православной Российской церкви.

Согласно ст. 40 означенного определения Священного Собора отчуждение и обмен недвижимых имуществ, при-

надлежащих монастырю, допускается не иначе, как с разрешения Высшей Церковной Власти. Обсудив изложенное, Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России, руководствуясь соответствующими постановлениями Всероссийского Священного Собора и вполне разделяя точку зрения Высшего Церковного Управления прежнего созыва по церковно-земельному вопросу, изложенную в записке члена названного Управления профессора Верховского, одобренной определением Высшего Церковного Управления от 29 октября—3 ноября 1919 г. за № 257, не считает себя в праве распорядиться церковными монастырскими землями.

Протокол за надлежащими подписями.

Верно: Управляющий Канцелярией Высшего Церковного Управления (подпись).

И. д. Старшего секретаря Канцелярии Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России (подпись).

И. д. младшего Секретаря (подпись).

ВРЕМЕННОГО
ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ.

Сентябрь для 1920

№ 1077.

г. Севастополь

Ваше Высокопревосходительство,
глубокоуважаемый

Барон Петр Николаевич!

Его Высокопревосходительству Барону П. Н. Врангелю. Г. Главнокомандующему.

В ответ на письмо, от 21-го июля с. г. за № 13095, по поручению Высшего Церковного Управления почитаю долгом сообщить следующее:

Вопрос о церковно-монастырском землевладении очень сложен и затрагивает не только практические нужды Церкви, но также исторические традиции и церковные каноны. И Всероссийский Священный Собор определением своим от 31-го августа—3-го сентября 1919 г.

предусмотрел владение монастырями движимым и недвижимым имуществом, которое является, согласно означенному определению, главным источником их просветительно-религиозной деятельности и достоянием всей Православной Российской Церкви. Согласно же ст. 40 указанного определения Священного Собора отчуждение и обмен недвижимых имуществ, принадлежащих монастырю, допускается не иначе, как с разрешения Высшей Церковной Власти.

В связи с переживаемыми событиями вопрос о церковно-монастырских землевладениях уже раз был предметом обсуждения Высшего Церковного Управления.

Определением своим, от 4/24 октября 1919 г. за № 244, Высшее Церковное Управление, имея в виду, что, как сказано выше, вопрос о церковно-монастырском землевладении очень сложен и затрагивает не только практические нужды церкви, но также исторические традиции и церковные каноны, поручило Члену Высшего Церковного Управления, профессору Варшавского университета по Церковному праву Н. В. Верховскому составить по сему вопросу записку, с изложением историко-канонических оснований, по коим рассмотрение и решение вопроса о возможности отобрания церковных земель необходимо, во всяком случае, отложить до тех пор, пока по нему будут в состоянии высказаться Всероссийские Органы Верховной Власти.

По рассмотрении составленной профессором Верховским записки по церковно-монастырскому земельному вопросу, Высшее Церковное Управление, разделив изложенные в записке доводы относительно несвоевременности и нецелесообразности скорейшего отобрания церковных земель и не находя возможным взять на себя какое-либо решение по сему сложному и ответственному делу до рассмотрения его Святейшим Всероссийским Патриархом и Всероссийским Церковным Собором, определением своим, от 29/X—3/XI—1919 г. за № 257, сочло полезным и необходимым изложенные в записке историко-канонические основания церковного землевладения довести до сведения Главного Командования вооруженных сил на Юге России и г.г. Атаманов Всевеликого Войска Донского, Кубанского и

Терского казачьих войск и Председателей из представительных органов.

По издании Вашим Высокопревосходительством 25-го мая с. г. нового земельного закона. Высшее Церковное Управление нынешнего созыва, одушевленное стремлением облегчить Правительству проведение в жизнь возведенных в земельном законе основ, имело 17-го июля сего года суждение по вопросу о возможности передачи монастырских и церковных земель в Общий земельный фонд для распределения между неимущими и малоземельными крестьянами. Но, руководствуясь соответствующими постановлениями Всероссийского Священного Собора и разделяя точку зрения Высшего Церковного Управления прежнего созыва по церковно-земельному вопросу, Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России согласно определению своему, от 17/VII—7/VIII с. г. за № 605, не сочло себя в праве распорядиться церковными и монастырскими землями.

По получении Вашего письма за № 13095, Высшее Церковное Управление вновь имело суждение по сему вопросу и определением своим от 11—17 сего августа за № 611 постановило: Состоявшееся постановление Высшего Церковного Управления от 17/VII—7/VIII за № 605 по церковно-земельному вопросу сообщить Вашему Высокопревосходительству с препровождением копии одобренной Высшим Церковным Управлением прежнего созыва записки профессора Верховского по сему вопросу. Но если Правительство признает необходимым все же применить закон 25-го мая 1920 г. о земле и к церковно-монастырским землям, просить Государственную Власть, чтобы, по применении этого закона к церковно-монастырским землям, насельники монастырей и церковные причты были бы снабжены уделами земли на общем основании с другими лицами, получающими земельные наделы.

При чем Высшее Церковное Управление признает необходимым, чтобы при разрешении вопроса о передаче церковных или монастырских земель в общий земельный фонд Государственная власть обсуждала этот вопрос совместно

с Церковной властью, в каждом отдельном случае (о каждой отдельной церкви и каждом монастыре в отдельности).

Об изложенном долг имею довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, с препровождением выписки из определения Высшего Церковного Управления за № 605 и копии записки профессора Верховского.

Призывая на Вас Божье благословение, с отличным почтением и соответственной преданностью честь имею быть Вашего Высокопревосходительства и т. д.

Записка по вопросу о возможности и целесообразности скорейшего отобрания церковных земель.

Исконное право Христианской Церкви иметь в своей собственности движимое и недвижимое имущество всегда основывалось на неоспоримом праве Церкви осуществлять свою святую задачу на земле. Для удовлетворения потребностям христианского богослужения, на содержание церковной иерархии духовенства и необходимость учреждений, для распространения религиозно-нравственного просвещения, помощи бедным и т. д. Церковь всегда нуждалась в средствах, как не может не нуждаться ни одна организация на земле, преследующая какие-либо большие общественные задачи.

На этом же основании зиждется имущественное право Церкви и ныне. Вместе с тем, имея вечные идеальные задачи, непроходящие во времени, Церковь, в принципе, всегда смотрела на свое движимое и недвижимое имущество, как на неотчуждаемое, потому что то и другое приносилось верующими в жертву Богу (Лк. XXI, 4; Деян. IV, 32—V, II) и особенно через употребление при богослужении становилось священным (Ап. правило 73). Епископам и монастырским властям поручалось лишь заведывание им под неперменным условием бдительной экономии и охраны; отчуждение же ими допускалось лишь в исключительных случаях, когда требовали того нужды и польза Церкви, и то по совету с

другими. „Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах и оными распоряжается, яко Богу назирающу. Но не позволительно ему присвоить что-либо из оных или сродникам своим дарить принадлежащее Богу. Аще же суть неимущие, да подает им, яко неимущим; но под сим предлогом да не продает принадлежащего Церкви“ (Ап. 38).

В виду этого Апостольского правила целиком повторивший его VII Вс. Собор, еще усилил содержащуюся в нем мысль о неотчуждении: „Аще кто, епископ или игумен окажется что-либо из угодий, принадлежащих епископии или монастырю, продавшим в руки властей или отдавшим иному лицу: не твердо да будет оное отдавание“ (VII Вс. пр. 12).

Относительно монастырей и их имуществ были изданы особые правила, напр. IV Вс. пр. 24: „единожды освященным, по позволению епископа, монастырям пребывать монастырями навсегда: принадлежащие им вещи сохранять, и впредь не быть оным мирскими жилищами“ (повторение VI Вс. в пр. 49; ср. VII Вс. пр. 13). Из этого правила всегда выводилась мысль о недопустимости секуляризации монастырей и монастырских имуществ (см. Правила Прав. Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматско-Истрийского, Перев. с сербского, СПб, 1911, т. I, стр. 385, а также 107, 384—386, 535, 621—624).

Вслед за правилами Св. Апостолов и Вселенских Соборов те же мысли находим и в правилах соборов поместных, как напр., в 35 пр., Карфагенского собора: „положено, чтобы никто не продавал церковные собственности: но аще сия собственность не приносит доходов, и настает великая нужда: то представляти о сем первенствующему епископу области, и с определенным числом епископов совещаться, что учинити должно“.

Знаменитые толкователи церковных правил—Аристия и Зенара, жившие в XII в. и имевшие огромное влияние на развитие канонической мысли, особенно у нас в России, где толкования на практике нередко заменяли самые правила, еще усиливали отмеченные положения о неотчуждаемости церковных имуществ. Так, напр., Аристия в толковании на

приведенное 35 пр. карфагенского собора делает характерную прибавку: „Несть достойно епископам церковных вещей и стяжений продаяти: Божия бо суть таковая стяжания и того ради не продаваема суть“ (печатная Кормчая Иосифовского издания л. 129). То же самое читается и в пр. 42 Кар. собора с толкованием Аристина (Кормчая л. 131 сб. 132). при чем в этом правиле уже прямо упоминаются церковные земли: „Определено такожде, чтобы просвитеры без соизволения своих епископов не продавали вещей Церкви, в которой посвящены. Равно и епископам непозволительно продавать церковные земли без ведома собора или своих пресвитеров“.

Таким образом, в течение целого ряда веков в Христианской Церкви господствовал принцип, что всякие церковные вещи (освященные и неосвященные, движимые и недвижимые) — неотчуждаемы, хотя на практике, конечно, не было возможности полностью выдержать этого принципа. Коррективом к такой невозможности служило требование особой осторожности в этом деле.

Светское Византийское законодательство, ярче всего выразившееся в VII новелле императора Юстиниана (535 г.), стояло в принципе на той же точке зрения о неотчуждаемости церковных имуществ, и хотя сами же императоры другими новеллами вносили в это дело ограничения и исключения, тем не менее последние только подтверждали общее правило.

В условиях древнерусской действительности неотчуждаемость церковных имуществ приобрела особое значение и самый принцип укрепился с особой силой. Это объясняется тем, что еще первые русские христианские князья, создавшие храмы, монастыри и епископии среди инертного народа, должны были, конечно, позаботиться и о том, чтобы эти новые на Руси установления держались прочно и чтобы существование их было обеспечено. Между тем, последнего нельзя было сделать лучше чем либо, кроме закрепления за церковными институтами значительной недвижимой собственности. Отлично понимало это и само духовенство, призванное насаждать на Руси начала христианской цивили-

зации, всегда очень крепко и не без основания держалось своего права собственности.

Сознание неоспоримости имущественного права церкви, раз от нее ожидают высокой ценности культурной миссии, в древности была столь сильна, что даже татарские ханы XIII и XIV вв. в своих ярлыках утверждали за митрополией право владеть землями с различными льготами и завещали приемникам своим „жаловать митрополитов по тому же пути“ (Собр. гос. грам. и догов. II № 2). Когда же в XV в. сын Дмитрия Донского, Василий Дмитриевич, заботился собственной властью, помимо татарских владык, установить порядки гражданской жизни в государстве, Митрополит Киприан в 1403 г. упросил его подтвердить уставы Владимира и Ярослава, чтобы в церкви все управлялось „как пошло издавна, еже бы то неподвижно было и если, наперед в прок не умножилось бы, ни умалилось, но так бы то и стояло неподвижно, как те велиции князи вписали и укрепили“ (П. С. Р. Лет. VI, 86). И хотя в разоренном русском обществе того времени и проявлялось порою желание возвратиться себе назад ранее отданное церкви, тем не менее принцип неотчуждаемости был строго соблюден.

Даже попытка „заволжских старцев“—Нила Сорского и князя—инока Вассиана Патрикеева с другими провести секуляризацию на соборе 1503 г. в целях реформы русского монастырского быта в сторону большого аскетизма, не имела успеха, потому что Иосиф игумен Волоколамский обратил внимание на необходимость церковных имуществ для того, чтобы церковь могла удовлетворительно выполнять свою миссию в мире. Мысль о том, что иерархи и монастыри не только не могут, но и ни в коем случае не в праве отдавать церковных движимых и недвижимых имуществ, как божьего достояния, с особенной силой была выражена собором в 1503 г. в особом послании великому князю Иоанну III, подкрепленном ссылками на святые правила и практику греческой и русской церкви. Вследствие этого государственная власть признала неотчуждаемость церковных имуществ и тем возвела ее в закон, имевший силу целых 2 столетия. Закон о неотчуждаемости земель, законно

приобретенных церковными установлениями, был подтвержден на соборах 1551, 1581 и 1584 г.г., был признан твердым началом имущественного права русской церкви, утвердился в общественном сознании духовенства не только как государственный закон, но и как правило каноническое перешел с таким значением в 17 век и лишь в 18 в. в действительной жизни он был отменен, хотя сознание справедливости еще в высшей степени крепко держалось в духовенстве и в 18 в. (проф. прот. М. И. Горчаков; О земельных владениях всерос. митрополитов, патриархов и св. синода. СПб 1871 г. ст. 165), и, можно прибавить, держится и до сих пор.

Правда, еще в том же 16 и 18 веках в права церковного землевладения внесено было не мало ограничений, но лишь под давлением крайней нужды государства и с такой осторожностью, что она лишний раз подтверждала самый закон.

Только Петром Великим и Екатериною II были приняты решительные шаги к секуляризации церковных имуществ. Но в обоих случаях в качестве побудительной причины к такой мере было выставлено желание государственной власти облегчить иерархию и монастыри от тягот по управлению и эксплуатации имений, отвлекавших их от прямого их духовного дела. Так, напр., в своем манифесте, 12 августа 1762 г. Екатерина писала, что как „не приобретение сокровищ и собственное наше обогащение, но истинная любовь к отечеству понудили нас принять бремя Правительства сея Пространная Империя, то тем с большим уверением сказать можем, что мы вовсе удаленные мысли и сердце имеем от собственной нашей корысти в строении дела божия. Не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения, но только имеем данную нам от бога власть предписывать законы о лучшем оных употреблении на славу божию и пользу отечества“. (П. С. З т. XVI, № 1643).

С этой целью Екатерина намеревалась установить духовные штаты, подражая в этом отношении Петру Великому, и вообще в содержании и употреблении доходов церковных учредить порядок, подчеркивая, что

она собственной своей в том никакой пользы не ищет, и не себе, но имени божию служить старается. В результате 26 февраля 1764 г. действительно введены были штаты архиерейских домов, монастырей и некоторых из церквей (П. С. З. XVI, № 12000. См. под тем же № „Книгу штатов“). Но характерно, что в дополнение к штатным суммам, назначенным от государства, взамен церковных имений, уже тогда было положено оставить известное количество земли для огородов, садов, пастьбы лошадей и выгона скота, а для рыбной ловли отвести пруды и проч. На этом основании каждому архиерейскому дому было отведено по 30 десятин, а монастырю от 6 до 9 дес., маленьким и бедным монастырям, взамен штатного жалования, оставлены были те же земли (там же к П. С. З. т. XVI, № 12121). Но уже указом Павла I, от 18 декабря 1797 г., помимо повышения окладов жалования увеличены были и земельные наделы до 6 дес. для архиерейских домов и до 30 дес. монастырям (П. С. З. XXVI. 18273).

С этого началась обратная волна. Штаты архиерейских домов постепенно увеличивались, а с ними сохранен был и земельный надел в 60 дес. на населенной земле, пахотной или покрытой лесом (Св. Зак. VIII ч. 1 изд. 1893 г. от 6 п. 7, от 130, 525). Где можно, положено было отводить архиерейским домам лесные участки и сверх указанной нормы с обязательством рационально вести лесное хозяйство (от 520, 521, Указ 31 января 1833 и ук. 6 июня 1866 г.). Кроме того, положено предоставлять им загородные дворы, мельницы и рыбные ловли (т. X, ч. 2, изд. 1893 г. ст. 846 прим., IX, изд. 1899 ст. 432). Но и этого мало. Кроме земель и угодий, даруемых правительством, архиерейские дома получили право приобретать недвижимые, ненаселенные имения путем пожертвований от частных лиц и даже возмездным способом и иметь в качестве доходной статьи подворья (т. IX, изд. 1899 г., ст. 435, 437).

Вслед за архиерейскими домами стала возрастать имущественная правоспособность и монастырей. В 1835 г., вместо 30 дес. указано было наделять монастыри такими участками земли, которые могли бы удобнее служить устрой-

ству земледельческого хозяйства, примерно, от 100 до 150 и более десятин, везде, где местные средства могут позволить это, а также мельницами и рыбными ловлями (т. 10, ч. II, изд. 1893 г. ст. 346 прим.)

Кроме того, еще указом 8 июня 1805 г. монастырям разрешено было приобретать новые имущества сверх нормы, хотя, для контроля, лишь высочайшего соизволения (П. С. З. XVIII № 2, 1885 XXXI № 24246). Позднее, указом 4 января 1819 г. это правило распространено было и на церкви (П. С. З. т. XXXVI № 27622), за которыми еще во время межевания земли при Елизавете Петровне была закреплена земля, данная причтам на содержание в качестве церковной собственности (П. С. З. т. XV № 10989).

При Екатерине II надел сельских церквей землею даже значительно подвинулся вперед. При генеральном межевании было велено нарезать земли к церквам, находящимся в имениях помещиков (указ 13 февраля 1768 ст. 68, 69 П. С. З. № 12570). По указу 2 июля 1767 г. (П. С. З. № 12925) наименьшим наделом на причт церковный признано 33 дес., если же при церкви состояло два или три штатных причта, то на каждый из них полагалось по 33 дес. В 1829 г. в положении о способах к улучшению состояния духовенства—высший надел земли на церковный причт был увеличен втрое: т. е. до 99 дес. и только в тех селениях, где у крестьян земли было мало, полагались и причтам меньшие наделы (ук. 6 декабря 1829 г. П. С. З. № 3323). В некоторых же многоземельных местах, как напр., в Херсонской и Екатеринославской губерниях, есть церкви с наделами по 120 дес. на причт (ук. 27 февраля 1820 г. П. С. З. № 28171). Все эти постановления сведены воедино в своде межевых законов со значением действующих норм (т. X, ч. 2, изд. 1893 г., ст. 346—370).

Изложенная судьба церковного землевладения показывает, что даже грандиозная попытка секуляризации при Екатерине II не привела полностью к своей цели. Очевидно, что известный минимум недвижимости был необходим для правильного функционирования архиерейских домов, монастырей и приходских церквей. И пристальному взгляду это

совершенно понятно. В прежнее время при господстве у нас натурального хозяйства и слабости денежного обращения и финансовых операций необходимое обеспечение церковных учреждений было достижимо исключительно путем землевладения. Но и ныне опыт переживаемой катастрофы показывает, что только землевладение и натуральное хозяйство дает прочное обеспечение, особенно необходимое таким учреждениям, как церковные, призванные к самому высокому служению человечеству. При всех пороках и недостатках, которые мрачный ум социал-нигилиста мог бы поставить в вину русскому монашеству и белому духовенству, то и другое все-таки является светочем мира, самоотверженно проповедуя одичавшему человеку божий закон и божью правду.

И было бы большой ошибкой торопиться с отобранием церковных земель прежде, чем Всерос. Церк. Собор не выскажется, в каком объеме это можно было бы сделать, идя навстречу просвещенным заботам о благе народа главного командования, и чем можно было бы заменить земельное обеспечение. Во всяком случае необходимо освоиться с мыслью, что полное лишение церкви ее имуществ недопустимо потому, что труд по обработке земли имеет глубоко воспитательное значение, напоминая сказанную Адаму заповедь: „в поте лица твоего будешь есть хлеб свой“ (Бытие III, 19) и сближая наше трудовое монашество и духовенство с народом, так требующим ныне нравственного воспитания и доброго воздействия.

Подлинную подписал: Член Временного Высшего
Церковного Управления на Юго-Востоке России
профессор Н. В. ВЕРХОВСКИЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Предисловие	III
От автора	VII
Глава I. Врангелевский закон о земле и деревня	11
Глава II. Вопрос о церковных и монастырских землях	13
Глава III. Политическая роль духовенства в Крыму в 1920 году	19
Приложения	29

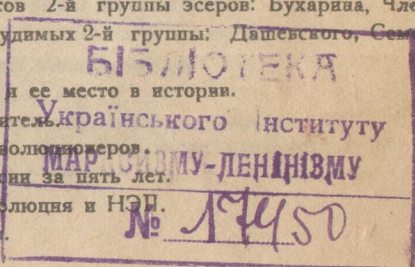
- Петровский.—Капитализм и социализм (от Моора до наших дней).
 Степанов И.—Парижская коммуна. С иллюстрациями.
 Энгельс.—Людвиг Фейербах (От классического идеализма к диалектическому материализму).
 Энгельс.—Сила и экономика в образовании новой Германской Империи.
 „ Революция и контр-революция в Германии. II изд.
 Энгельс и Маркс.—О Крымской войне 1853—1856 г. г.

Г о т о в я т с я к п е ч а т и :

- Адоратский В.—Научный социализм.
 Корш.—Сущность материалистического понимания истории.
 Шафарг П.—Экономический детерминизм К. Маркса.
 Луи Поль.—История социалистической доктрины.
 Ликсембург Р.—Коалиционная политика и классовая борьба.
 Маркс К.—Заработная плата, цена и прибыль.
 „ —Критика Готской программы.
 Постгейт.—Рабочий Интернационал.
 Сборник.—К 40-летию со дня смерти Маркса.
 Топорков.—Гегель и материализм.
 Эрихтен Г.—Капитализм и социализм.

По серии агитационной.

- Антонов-Овсеенко.—Строительство Красной Армии в революция
 баратов.—Наша Красная Армия.
 Быстрянский.—Борьба за богатства мира.
 Вардия И.—Партия меньшевиков и русская революция.
 „ —Политические партии в русской революции.
 8-ое марта.—Тезисы и материалы к междунар. дню работницы.
 Глonti Т.—Советская и меньшевистская Грузия.
 12-ое марта.—Годовщина февральской революции. Тезисы и материалы.
 Дроздов.—Как царско-дворянское правительство обирало крестьян
 Зиновьев.—Единый рабочий фронт.
 Как проводить агиткампании в политпросвет учреждениях.—Сборник.
 Чольцов М.—Пуанкаре-Война.
 Кон Ф.—IV Конгресс Коммунистического Интернационала.
 Мещеряков В.—Партия с.-р. Часть I и II.
 Мещеряков Н.—На переломе (о русской эмиграции).
 Обвинительные речи на процессе с.-р.—По стенограмме.
 Процесс эсеров.—Речи защитников 2-й группы эсеров: Бухарина, Членова,
 Кова, Биденко, и речи подсудимых 2-й группы: Дашевского, Семанова,
 Конопленой и др.
 Радек.—Октябрьская революция и ее место в истории.
 Рачковский.—Кукуруза—наш спаситель.
 Стеллов.—Партия социалистов-революционеров.
 Гмиряев А.—Наука в Сов. России за пять лет.
 Флоровский И.—Октябрьская революция и НЭП.
 Шмерваль.—Чехо-словаки и эсеры.

По серии анти-религиозной.

Вышли из печати:

- Браун В.—Христианство и коммунизм.
 Бернова.—Гольбах.
 Даенсон.—О боге и черте. Памфлет.
 Дреус.—Миф о Христе, т. I.
 Комсомольское Рождество.—Сборник.
 Обрезание, его социальное и религиозное значение. По Лафаргу.
 Розенов.—Против попов, ч. I, вып. I.
 Сказание об Адаме и Еве. По Лафаргу.
 Сказание о непорочном зачатии. По Лафаргу.
 Степанов И.—Мысли о религии. I и II изд.
 „ „—О правой и неправой вере. Об истинных и ложных богах.
 „ „—О таинстве св. причащения.
 Фрумкина.—Долой раввинов.
 Ческис.—Людвиг Фейербах.
 Ярославский Ем.—Как рождаются боги.
 „ „—Библия для верующих и неверующих, ч. I. Сотворение мира.
 Брихничев Иона.—Патриарх Тихон и его церковь.
 Вилли.—Религия в свете науки.
 Гофман.—Десять заповедей (перев. с нем.).
 Дреус.—Миф о Христе, т. II.
 Шеханов.—О религии.
 Розенов.—Против попов, ч. I, вып. II.
 Сборник.—Комсомольская пасха.
 Струмилин.—Бог и свобода.
 Третьяков.—Угасание бога.
 Ярославский.—Как рождаются, живут и умирают боги. II доп. изд. с иллюстрац.

Готовится к печати:

- Бибель А.—Христианство и социализм.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете.

Торговый Сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“,
 Театральная площ., 2-й дом Советов, и во всех книжных
 магазинах г. Москвы.

